

ОТ РЕДАКЦИИ

По техническим причинам в верстку выпуска № 3 (12) материалов постоянно действующего семинара «Цивилизационный контекст и ценностные основания российской политики» не было включено «Заключительное слово докладчика». Редакционный отдел приносит извинения автору доклада «Феномен русской власти: преемственность и изменение» А.И. Фурсову и публикует «заключительное слово» в настоящем выпуске материалов семинара.

Заключительное слово докладчика

А.И. Фурсов

Уважаемые коллеги! Прежде всего хочу поблагодарить организаторов семинара за приглашение выступить и всех участников — за содержательную дискуссию, включая несогласие. Как говорил замечательный ученый, покойный Ференц Фехер, именно несогласие делает жизнь стоящей штукой. Действительно, несогласие — это то, что создает необходимый для полноты жизни уровень напряжения; это то, на что можно опереться — с помощью другого, в данном случае своего собственного несогласия. Я уже ответил на вопросы, сейчас хочу отреагировать на выступления коллег, двигаясь в обратном порядке, т. е. начну с последнего по счету выступления — А.И. Неклессы.

Думаю, нет большей ошибки, чем отнесение к одному качественному ряду фашизма и национал-социализма, с одной стороны, и коммунизма — с другой, независимо от того, как мы назовем этот ряд — «тоталитаризмом» или «номенклатурным государством». Последнее вообще непонятно что:

поскольку номенклатура, в строгом смысле слова, существовала только в коммунистических обществах, то едва ли можно использовать этот термин вне коммунистической зоны. Я уже не говорю о том, что номенклатурность характеризует способ организации господствующих групп, а не сущность социально-экономической системы, в которой они функционируют.

Сущностная специфика той или иной социальной системы, т. е. конкретного совокупного процесса общественного производства, определяется спецификой присваиваемых факторов производства: природа присваиваемого объекта определяет природу присваивающего субъекта, а вместе с ним — как системообразующего элемента — и природу данной системы. Объекты присвоения в фашистской Италии и нацистской Германии — с одной стороны, и в коммунистическом СССР — с другой, были принципиально различными. В одном случае мы имеем капитализм, в другом — антикапитализм, и это суть базовые, первичные отличия. Попытки объединить эти общества по вторичным сходствам заведомо безрезультатны. Кстати, это хорошо понимали на Западе даже те серьезные исследователи, которые пользовались термином «тоталитаризм», только они формулировали принципиальное различие на своем языке.

Так, в своей знаменитой лекции в 1939 г. в Нью-Йорке профессор Хейес очень четко зафиксировал, что тоталитарные общества — фашистское в Италии и национал-социалистическое в Германии — суть феномены рыночной экономики и западной цивилизации, тогда как советский коммунизм — это совсем другое.

Что касается определения специфики коммунизма с точки зрения соотношения традиции и модернизации, то такой подход и такой научный язык представляется мне безнадежно устаревшим. В сфере востоковедения и африканистики от схемы «традиция — модернизация» отказались в конце 1960-х гг., а последняя серьезная (и безуспешная) попытка реанимиро-

вать схему имела место в 1979 г. (коллективная монография под редакцией Розмэна «Модернизация Китая»).

«Традиция — модернизация» это вообще ложная оппозиция (о ее европо-, а точнее — западоцентризме я уже не говорю). Модерн — сам по себе традиция, европейская традиция последних двух столетий. Это одна сторона дела. Другая сторона — тот факт, что капитал (изм) на периферии создавал докапиталистические уклады, которых до него не было и которые являлись функциями капитала там, где последнему не противостоял наемный труд (плантационное рабство южных штатов США и некоторых карибских островов, латифундийное хозяйство Южной Америки). Это модерн или традиция?

Укажите хотя бы одну значительную черту традиционно общества советского коммунизма. Последний — не просто модерн, а сверхмодерн. То же можно сказать о национал-социализме, если, разумеется, не принимать форму за содержание; впрочем, и с формой не все так просто.

Четыре десятилетия назад ложность оппозиции «традиция — модернизация» очень хорошо показали супруги Рудолф в работе «Современность традиции: политическое развитие Индии» (1967 г.). Они отметили, что когда в рамках теории модернизации современные общества исследуются сами по себе, здесь все чаще активно подчеркиваются выживание и сохранение традиции. Однако как только современные общества сравниваются с традиционными, традиционные черты последних либо изображаются в качестве остаточных явлений, обреченных — в силу неэффективности и неспособности — соответствовать императивам модернизации, либо исчезают вообще.

Этому исключению традиционных черт из современности соответствует исключение современных — из традиции. Методологический результат — аналитический разрыв между традицией и современностью; результат практический — неспособность понять и концептуально воспроизвести формы

взаимодействия между традицией и современностью, формы адаптации традиционных институтов к современному миру.

И последнее — по поводу упрека в том, что общая теория русской власти не обладает прогностическими способностями, поскольку не может ответить на конкретный вопрос о возможных вариантах развития отношений «Россия–Украина–Белоруссия». Я не хочу никого обидеть, но такая постановка вопроса напоминает мне одну историю. Будучи студентом, я как-то пошел на лекцию о философии йоги. Лектор рассказывал об индийской философии вообще и о философии йоги в частности, подчеркивая, что разделяет эту философию, т. е. является йогом. После лекции, когда начались вопросы, поднялся один из присутствующих и спросил: умеет ли лектор глотать ножи и ходить по раскаленным углям? Получив отрицательный ответ, он сказал выступавшему: «Ну, какой же Вы йог?». Т.е. для задававшего вопрос йога — это действия на конкретном физическом уровне, граничащие с фокусами, тогда как лекция была о философии йоги, о теории.

Иными словами, есть явления, а, следовательно, и теории разного уровня. Теория русской власти — теория общего уровня; проблемы отношений в «славянском треугольнике» — это проблема теории более или менее прикладного уровня. Другой вопрос: можно ли такую частную, прикладную теорию вывести из теории русской власти, двигаясь от абстрактного к конкретному? Думаю, можно — с привлечением некоторых других теорий. Если бы теория русской власти претендовала на **непосредственное** объяснение ситуации в отношениях «Россия–Украина–Белоруссия» и на прогноз развития этих отношений, то эту теорию следовало бы запозорить в шарлатанстве или, как минимум, в несерьезности.

Далее. В ходе обсуждения было замечено, что сильным правителем в системе русской власти был тот, кто предложил свой проект, свою матрицу смыслов. Сходу называю трех сильных и успешных правителей, которые никаких но-

вых смыслов не предлагали (или предложенный ими смысл провалился): Екатерина II, Николай I и Александр III. А вот Александр II, предложивший нечто новое, сильным правителем не был. Очень неоднозначна ситуация и с Петром I. Думаю, в русской власти главное не в предложенных смыслах, а в личностной и исторической адекватности автосубъектной власти, логике и задачам ее развития.

В частности, русская власть — это власть не столько институтов, сколько чрезвычайных комиссий; и в русской истории успешными правителями были те, кто, помимо прочего, лихо управлялся именно с чрезвычайками. Впрочем, есть и другие факторы, но это отдельный разговор.

По поводу тезиса о том, что Путин и Медведев воспроизводят то, что было в прошлом. Здесь есть один нюанс. У постсоветского общества весьма мало собственного положительного содержания, оно в значительной степени носит имитативный характер, имитируя одновременно самодержавие и советизм, хотя и в разной пропорции (плюс имитация современного позднекапиталистического общества, преимущественно в его «низших» — массовая культура, криминал — и «высших» — гламур — формах). С этой точки зрения ясно, что ни Путин, ни Медведев, ни постсоветская верхушка в целом не могут воплощать, воспроизводить то, что было. Есть главным образом имитация воплощения.

Категорически не могу согласиться с Ю.А. Красиным по двум пунктам. Пункт первый. Вы, Юрий Андреевич, ссылаетесь на Ключевского, говорите, что в XVI–XVII вв. в России появились зародыши чего-то западopodobного, демократического — земские соборы, к тому же земский собор 1613 г. избрал на царство Михаила Романова. Я не буду говорить о соборе 1613 г. (он в значительной степени был фиктивным), но дело не в этом. Да, зародыши появились, но собором 1649 г., принявшим Соборное Уложение, которое оформило

самодержавие и увенчало процесс, начатый опричной революцией Ивана Грозного, зародыши кончились, так и не родившись.

Земские соборы нужны были русской власти, пока она нуждалась в костылях, пока самодержавие, природа и логика развития которого не нуждаются ни в земских соборах, ни в сословном представительстве (соборы, кстати, больше похожи на съезды КПСС XX в., чем на сословно-представительные органы Западной Европы XVI–XVII вв.), нуждалось во внешней поддержке (всякая система возникает на внесистемной основе). Поэтому трактовать земские соборы и некоторые другие явления как зародыши чего-то нового — ошибочно. Но даже если признать, что это зародыши, то они так ни во что и не развились — эволюция крупных сложных систем действительно необратима.

Пункт второй. Стремясь оспорить мой тезис об уникальности надзаконной русской власти, Вы, Юрий Андреевич, говорите: «Вот революции в Европе — сколько в эти периоды было надзаконного...». Думаю, сами того не замечая, Вы совершаете логическую ошибку: в Европе надзаконные (а точнее, антизаконные) действия имели место во время революций, т. е. во время слома существующих порядка и власти, а в России сама власть выступает как надзаконный субъект. Революция — это всегда нарушение закона; это не уникально, это норма. Т. е. своим примером Вы на самом деле подтверждаете справедливость моего тезиса об уникальности надзаконной власти. Не случайно также и то, что антисистемные движения на Западе развиваются как антивластные, а таковые в России носят самозваннический характер: вожди восставших представляют себя в качестве царей, т. е. власти. И все это не есть некая аномалия, это — русская норма, которая существует в истории наряду с другими нормами: античной, индийской, китайской, западной.

Вообще нужно сказать, что в силу своей природы русская власть находится по ту сторону революции и реакции. Рус-

ская власть — это единство первой и второй; и одна из задач русской власти как раз и заключалась в поддержании хрупкого баланса между «революционностью» и «реакционностью». Неслучайно, когда в эпоху замечательного во многих отношениях русского царя Николая I русская власть начала постепенно отклоняться от революционного (сверху) начала то в сторону консерватизма, то в сторону либерализма, в стране — как социокомпенсаторная реакция — возникло революционное движение снизу, которое окрепло в ходе смуты 1870–1920-х гг., а в 1917–1933 гг. революционные силы пришли к власти и создали новую структуру и форму русской власти — чистую, лишенную собственнических и «классовых привесков» (В.В. Крылов).

В.Ф. Туганов говорит, что власть в России — диктатура. Это не так. «Автосубъектная власть» не равно понятию «диктатура». Автосубъектная власть может быть слабой, неэффективной, может принимать олигархическую форму. Диктаторскими (я предпочитаю говорить — демонархическими) были режимы Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина. А вот, например, власть Николая I при всем внешнем авторитаризме была ограниченной (именно поэтому, например, он не рискнул расправиться с главными лицами, стоявшими за так называемым «движением декабристов»). О «диктатуре» Екатерины II, Павла I или Александра III я уже и не говорю. Тем не менее, и «демонархические», и «оттепельные», и «застойно-олигархические» формы русской власти суть автосубъектные по принципу конструкции, которые вовсе не предполагают автоматически диктатуру; более того, нуждаются в ней только в ранний период своего развития, в период становления.

Что касается отношений между властью и собственностью, то их необособленность — норма для всех азиатских обществ, в значительной степени — для античного; обособление власти и собственности намечается в западно-европейском

феодализме (собственно, другого не было) и во всей полноте проявляется при капитализме как его норма. Переносить буржуазную норму на небуржуазные общества — ошибка.

Далее. Неверно, что в Римской империи самовольно устанавливался порядок наследования. На самом деле в Римской империи был четко определенный порядок наследования путем усыновления.

Я стараюсь свести к минимуму употребление термина «цивилизация», он весьма многозначен и запутан. Мне больше нравится нейтральный термин «система». Но если все же воспользоваться термином «цивилизация» и взглянуть сквозь эту призму на специфику русской истории, то полагаю, что русская цивилизация — один из вариантов европейской цивилизации. Не надо отождествлять последнюю с западной, не надо отдавать Европу Западу. Константин Крылов прав в том, что настоящий русский европеец, как правило, должен быть антизападником, поскольку Запад стремится присвоить Европу, европейское наследие и вытолкнуть из него русских в азиатчину, лишая их одновременно и русскости, и европейскости. В этом плане те представители русской культуры («цивилизации»), которые свое отличие от Запада готовы — порой, с гордостью — противопоставить ему как азиатскость («да, скифы мы, да, азиаты мы...»), работают на геоисторического противника, принимают его постановку проблемы и сами загоняют себя в угол, обрекая на проигрыш; противника надо бить на его территории и его же оружием, здесь более всего надо быть победительными европейцами.

Есть несколько вариантов европейской цивилизации — античный (с ромейским подвариантом), западный, русский (северо-восточный). Характерными чертами последнего были включенность в евразийскую геоисторическую систему (что не делает его ни азиатским, ни евразийским в историческом плане — как субъектном, так и системном); примат пространственных факторов производства над временными; длительное время (до начала XIII в. включительно) просу-

ществовавшая нерасчлененность (в отличие от «франкского» Запада) мирных и военных функций основной массы населения; низкий уровень избыточного продукта, придающий эволюции западоподобного типа в России характер регресса и упадка.

Несколько удивили меня тезисы А.А. Галкина. Тезис первый: модель «русской власти» не отражает всей совокупности эмпирических фактов; нужно было собрать все факты, а потом обобщать. На самом деле, ни одна из существующих в науке моделей или теорий не отражают **всей** совокупности эмпирики и не могут отражать ее. Как говаривал Чарльз Дарвин, любому Монблану эмпирических фактов можно противопоставить Эверест эмпирических фактов. И ничего не доказать. Дело в том, что научный факт и эмпирический факт — разные вещи. Научный факт — это эмпирический факт, включенный в рамки той или иной научной теории; вне научной теории научных фактов нет. Поэтому-то Эйнштейн и заметил: будет исследователь наблюдать то или иное явление или нет, зависит от теории, которой он пользуется. Поэтому-то метод исследования Маркса называется методом восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. от более грубой абстракции к более тонкой и точной через конкретику, через эмпирические факты.

Далее. Тезис о необходимости изучить все эмпирические факты, а потом строить модель (кстати, Александр Абрамович, Вы собрали и изучили все эмпирические факты о фашизме, прежде чем сели писать книгу о нем?), предполагает равноценность, равнозначность всех эмпирических фактов. А ведь это не так. Есть факты главные, первостепенные, отражающие суть явления, его целостные стороны. Именно они имеют решающее значение, именно по ним — как палеонтологи по одной кости восстанавливают облик вымершего животного — создается модель или теория. Главные, по моему мнению, факты русской истории связаны с русской властью,

с центроверхом. Для того чтобы понять русскую историю, не нужно знать «историю уездной кутерьмы» (В.Г. Белинский), нужно знать главное. Гесиод характеризовал такие ситуации следующим образом: «Лиса знает много, а еж знает главное». Помощник Р. Никсона Чак Колсон сформулировал эту мысль грубее (но точно): «Если вы взяли кого-то за яйца, остальные части тела придут сами».

Второй тезис моего оппонента — «русская история не доказывает необходимости русской власти» — просто потрясает. Ничего себе «не доказывает»! В течение четырех веков воспроизводится — причем усилиями как сверху, так и снизу — один и тот же тип власти и... «не доказывает»? Да какие же еще нужны доказательства?

Смотрите. Сначала Иван Грозный вводит опричнину, которая есть не что иное как эмбрион самодержавия. Слои, которые оказались в проигрыше (самый верх — боярство и низы — казаки, боевые холопы) наносят ответный удар, начинается смута, новая форма власти рушится. И что же? Средние слои тогдашней Московии — дворяне («дети боярские») и купцы — создают земское ополчение (второе) и начинают восстанавливать грозненское самодержавие снизу. Ну а первый и второй Романовы достраивают его в 1620–1640-е гг. сверху.

Петр I использует западные формы для еще большего упрочения автосубъектной русской власти, приспособив ее к новым международным условиям. Большевики свергают позднее самодержавие и создают (снизу) значительно более жесткую (народную!) власть. Кто может быть более жестким по отношению к народу, чем сам народ? Это у барина дрогнет, у мужика — едва ли. (Читайте Лескова). Так появилась чистая,вершенная форма русской власти — советский коммунизм называется.

И после этого русская история не доказывает необходимости русской власти?

Не могу согласиться с мыслью А.А. Галкина о том, что слухи о смерти нации-государства преувеличены, а само

нация-государство — это абстракция, а не реальность. Отмечу противоречие: если это абстракция, то о какой смерти вообще может идти речь — абстракции бессмертны. На самом деле нация-государство — это понятие (абстракция), которое отражает определенную и совершенно конкретную реальность. Здесь, как и в случае с первым тезисом, я вижу, что у Александра Абрамовича определенные проблемы с теорией познания вообще и с теорией научного познания в частности. «Государство», «капитал», «идеология» — это тоже абстракции. Но кто рискнет сказать, что в реальности они не существуют? Приходится лишний раз сожалеть, что русская интеллектуальная культура в своей истории не прошла спора реализма и номинализма, ставшего фундаментом новоевропейской гносеологии и эпистемологии, и многие ее представители даже в начале XXI в. остаются стихийными реалистами (со знаком «плюс» или со знаком «минус» — в данном случае неважно).

Если же говорить о реальной судьбе нации-государства, то его нынешнее состояние хорошо иллюстрируется различием между «Большой игрой-1» и «Большой игрой-2». «Большая игра-1» — это борьба Великобритании и России в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX вв. То была борьба двух империй, двух легальных структур, двух участников межгосударственной системы.

В «Большой игре-2», развернувшейся в Центральной Азии после распада СССР, помимо нескольких государств (пяти центральноазиатских «станов», России, Китая, Ирана и США) в качестве самостоятельных агентов участвуют движение «Талибан», наркокартели, спецслужбы Великобритании и Пакистана, транснациональные корпорации. При этом негосударственные и вообще нелегальные структуры активно теснят государства. Примеров такого рода можно привести множество, недаром появились формулировки «таяние нации-государства», «проржавление нации-государства» и т. п.

И, наконец, последний тезис — если только я правильно Вас понял — о том, что русская история уже написана и нужно уточнять детали, накапливать факты. В том-то и дело, что русская история до сих пор не написана, хотя эмпирических фактов накоплено более чем достаточно. Дело в другом — в отставании понимания от знания. Мы имеем либеральную и марксистскую версии русской истории, которые неадекватны природе изучаемого объекта и навязывают ему понятийный аппарат, отражающий иные реалии. Тезис Пушкина о том, что русская история нуждается в особой формуле, до сих пор не реализован. Уже западные ученые — например, Д. Ливен — призывают нас взяться за написание концептуальной истории собственной страны и перестать участвовать в «самовосхвалении англосаксов», т. е. в рассмотрении истории России, а также Запада и Востока, не с позиций капитализма, англосаксов и протестантизма, а в соответствии с собственной природой России, Запада и Востока.

С большим интересом выслушал я А.И. Соловьева. Мне очень понравилась его реакция на мой доклад, обусловленная тем, что Александр Иванович правильно понял: мой подход к русской истории, к теории русской власти не оставляет политологии никаких шансов и никакого места; точнее, ограничивает ее двумя «тринадцатилетками» в XX в.: 1905–1918 гг. и 1987–2000 гг. Только в эти короткие отрезки в русской истории существовала политика, только они могут быть объектом изучения политической науки с применением ее понятийного аппарата. Да и то с оговорками. Потому что даже в эти короткие периоды своего полублюдочного-полуфарсового существования в русской истории и жизни политика никогда не была полностью самостоятельной сферой, она была функцией русской власти, власти неполитической по своей сути.

Кстати, аналогичным образом обстоит дело и с местом и ролью рынка в русской истории (о гражданском обществе я не говорю — не будем о грустном...). Мало того, что он вы-

полнял главным образом (даже в пореформенной России и — в еще большей степени — даже во время НЭПа и в постсоветской РФ) нерыночные функции, он всегда был в большей или меньшей степени функцией власти. Таким образом, вся триада конвенциональной науки об обществе — экономика, социология, политология — плохо соотносится с русской реальностью. Последняя шире нее, не попадает полностью в ее створ, искажается ею на капиталоцентричный и западоцентричный манер, причем наихудшие, на мой взгляд, результаты демонстрирует именно политическая наука, которую у нас чаще предпочитают именовать политологией.

Обратите внимание, Александр Иванович, Вы говорите о моем анализе политической власти в России и т. п. Но дело в том, что я вообще не анализирую политическую власть в России, я исследую феномен русской власти, которая не имеет никакого отношения к политике. Не надо смешивать политическую, «частичную» власть и социально однородную, целостную власть, политику и власть. Политологический подход к неполитическим феноменам не работает, в лучшем случае он порождает нежизнеспособные схемы и ложные вопросы. Кстати, о вопросах.

Еще один тезис, прозвучавший в выступлении Александра Ивановича по поводу моей интерпретации русской власти и русской истории, выглядит так (надеюсь, я точно передаю смысл): нельзя распространять действие некоего феномена (в нашем случае это русская власть) на всю историю данной системы, поскольку она меняется, т. е. в длительной перспективе аналитическое значение русской власти как средства и объекта анализа утрачивается.

Мне уже приходилось сталкиваться с таким вопросом: а можно ли изучать историю России времен Ивана Грозного и Сталина, используя одни и те же базовые понятия (ведь это разные эпохи и т. д. и т. п.)? На это я отвечаю вопросом: а можно ли изучать историю капиталистической системы XVI–XVII вв., с одной стороны, и XX — начала XXI в. — с другой,

используя одни и те же базовые понятия: «капитал», «государство», «капиталистическое накопление», «цикл накопления капитала», «революция» и т. д.? Ведь менялись формы капитала, государства, капиталистическое накопление приходило на смену первоначальному, циклы накопления капитала (и, соответственно, гегемонии) — голландский, британский и американский — сменяли друг друга, катились друг за другом волны очень разных революций. Я уже не говорю о смене систем производительных сил — доиндустриальной, индустриальной и гипериндустриальной (научно-технической, информационной).

И все это — капитализм? И все это — одна и та же система? Да, одна и та же капиталистическая система, на разных стадиях и в разных формах которой сохраняются одни и те же принципы функционирования и развития, цели существования — безостановочное капиталистическое накопление, логика которого и продуцирует постоянные изменения, способствующие воспроизводству... капитала и системы в целом: *la plus ça change la plus ça reste même chose* («чем больше она меняется, тем больше она остается самой собой») или, если угодно, — из «Алисы в стране чудес»: «чтобы оставаться на месте, королева должна была постоянно бежать». И так дело обстоит не только с капитализмом, но с любой социальной системой: капитализм отличается скоростью, особой динамикой, снимающей противоречие между эволюцией и революцией (подробно я писал об этом в «Колоколах Истории»).

Таким образом, «информационный капитализм» (или «турбокапитализм» или «глэмкапитализм») конца XX — начала XXI вв. мы изучаем с тем же **базовым** инструментарием, что капитализм эпохи его «детства», поскольку перед нами одна и та же система, воплощающая в себе единство и противоположность гераклитово-парменидовой дилеммы («Все меняется» *versus* «Все неизменно»). Да, все меняется внутри системы (например, ее элементы, связи, структуры) — при

сохранении базовых системных характеристик, т. е. кроме нее самой.

«Русская система» — не исключение из этого правила. Только место капитала здесь занимает автосубъектная власть, а место циклов накопления капитала — циклы накопления власти (московский, петербургский, коммунистический — коррелирующие, кстати, с голландским, британским и американским циклами накопления капитала). Но если циклы накопления капитала знаменовали увеличение массы собственности, циклы накопления русской власти знаменовали уменьшение системного значения собственности на вещественные факторы производства (земля и овеществленный труд) вплоть до полного освобождения власти от них в коммунистическом цикле. Место революций в «русской системе» заняли смуты; в связи с интенсивным включением России в мировую систему после Крымской войны и взаимоналожения русско-властной и капиталистической линий развития, русская смута 1870–1920-х гг. в ее острой фазе (1905–1933 гг.) обернулась самой настоящей массовой революцией. Результат — смутореволюция, не имеющая аналогов в истории.

Я утверждаю, что понятийный аппарат, в основе которого лежит понятие русской власти, являющееся базовой единицей анализа русской истории XVI — начала XXI вв., адекватен всему периоду истории «русской системы» и может быть успешно использован (разумеется, с модификациями) для анализа эпох опричнины, петровской гвардии и сталинских чрезвычайек — *la plus ça change...* Так же как понятия «капитал» и «государство» адекватны всем эпохам истории капитализма — от мануфактуры до компьютера.

Системы, в основе которых капитал и автосубъектная власть, — не исключения. Так же обстоит дело и с другими историческими системами. Например, нынешнее индийское общество, конечно же, отличается от социума Великих Моголов, однако до сих пор сохраняется базовая единица организации — каста. А следовательно, сохраняется индийская

система, базовые принципы и законы ее развития, поэтому базовые единицы анализа «работают» для всех этапов развития этой системы. То же можно сказать о китайской системе, об античной, о феодальной — а ведь феодализм «начинался» с принципом *nulle seigneur sans homme* («нет сеньора без человека», т. е. зависимого — X–XI вв.), а «заканчивался» с совсем другим — *nulle terre sans seigneur* («нет земли без сеньора» — XIV–XV вв.). Но в обоих случаях перед нами — феодализм.

Завершая, отмечу, что сегодня автосубъектная власть переживает небывалый кризис в своем развитии, не сравнимый ни с кризисом рождения, ни с петровским кризисом, ни с кризисом самодержавия. Она — как и капитализм — оказалась у точки бифуркации и может прекратить свое существование. Возникнет ли на ее месте новая ее же **структура** (например, с помощью чего-то вроде неопричины), какая-то новая «пострусская» **система**, которая по отношению к русской власти будет выполнять ту же роль, что эта последняя по отношению к «киевской модели», или же нас ждет более или менее управляемый **хаос** — это зависит от исхода социальных битв «длинного XXI века» (условно — 1975–2125 гг.), в ходе которых возникнет (если в результате этой «Большой охоты» вообще что-то возникнет) посткапиталистический мир, как когда-то в результате и ходе битв «длинного XVI века» возникли капитал (изм) и автосубъектная власть в виде самодержавия. Но это уже отдельная тема.

Еще раз спасибо всем участникам дискуссии!